

Новая книга известной немецкой исследовательницы Л.Я. Томас посвящена биографии Георгия Васильевича Чичерина (1872–1936), одаренного человека с весьма непростой и противоречивой судьбой. Он принадлежал к старинной дворянской фамилии, родоначальник которой итальянец Афанасий Чичерин прибыл в Москву в 1472 г. в свите Софьи Палеолог. В 1613 г. думный дьяк Иван Чичерин подписал грамоту об избрании на царство Михаила Романова, а спустя 300 лет, в 1918 г., помещик-дворянин Георгий Чичерин стал народным комиссаром иностранных дел. В СССР изучение международных отношений долгие годы ограничивалось официальными рамками многотомной «Истории дипломатии». Персональные успехи наркомов, министров и полпредов в ней не отмечались. Положение стало меняться лишь в 1960-х гг., когда появились работы о Чичерине как последователе ленинской внешней политики. В 1970-х гг. в связи со 100-летним юбилеем Чичерина были опубликованы его книга о В.А. Моцарте, очерк о дипломатической деятельности А.М. Горчакова, некоторые письма. За рубежом биографией Чичерина интересовались прежде всего в Германии, поскольку именно его подпись стоит под Брестским мирным договором 1918 г., советско-германским торговым соглашением 1922 г. и мирным договором между СССР и Германией 1926 г.

Книга Томас не традиционна для работ по истории внешней политики. Даже названия ее разделов знакомят читателя с «другим» Чичериным – не государственным служащим, наркомом, а человеком, оказавшимся в круговороте общественных сил как внутри страны, так и на мировой арене: «Парадные залы и кулуары», «Полоса успехов и недоумений», «Порядки “в лавке разбитого фарфора”», «Я должен уйти сейчас», «Моцартианец». Некоторые главы посвящены анализу наиболее важных для автора источников: «Дневник Ботмера». «Переписка с Виктором Коппом». При этом главное внимание уделено эпистолярному наследию Чичерина. В частности в книге рассмотрены неопубликованные материалы, любезно предоставленные вчуждой племянницей наркома Н.Д. Чичериной. Нельзя не отметить, что исследовательница провела огромную работу, материал собирался ею буквально «по крупицам», в том числе в архивных фондах АВП, РГАСПИ, ГА РФ, РГИА, РО РНБ.

Томас стремилась понять, каким образом во главе внешнеполитического ведомства Страны Советов оказался представитель «враждебного» революции лагеря и что ста-

ло главной причиной разрыва Чичерина с именитыми родственниками, отказа от роли богатого наследника и добропорядочного служащего императорской России? Было бы слишком просто объяснить это участием в революционных кружках начала XX в. Упомянув на приближающийся революционный взрыв и горячо отстаивая свое понимание «служения народу» в спорах с дядей – известным ученым и общественным деятелем Б.Н. Чичериным – будущий нарком руководствовался не столько марксистской теорией смены общественных формаций, сколько собственным ощущением современности как периода всеобщей переоценки ценностей, «подобной давним эпохам буйных зародышей рождения нового человечества». В итоге он предпочел карьере «работу на революцию», которую связывал с «культурным переломом, с рождением нового человеческого типа, титанизмом духа и т.д.» (с. 36–37). В этом отношении он был не одинок – в революционном подполье на рубеже XIX – XX вв. оказывались и другие представители высших слоев российского общества, в умах которых в один клубок сплетались революционный фанатизм и романтика. «Если Караул будет разрушен, надо смириться, – писал лечившийся с 1904 г. в Германии Чичерин своей родственнице, приходившей в ужас от происходившего в стране и опасавшейся разграбления родовой усадьбы. – И Парфенон был превращен в развалину. Если Караул сохранится, он должен быть как дражайший памятник прекрасной эпохе тщательно сохраняем, как дом Альбрехта Дюрера в Виттенберге... Мое состояние может быть уже скоро унесено в вихре всемирной истории. Но, что бы ни случилось, одно нужно: отрешиться от себя, жить во всеобщем» (с. 50–51). Вообще же «родовых имений уже вскоре не будет» (с. 52). Как показано в последней главе книги «Отчуждение», прозрение наступило у него лишь в 1920-х гг., когда высокопоставленный дипломат констатировал: «Если современность – коммунизм, я не современен» (с. 222).

Несомненно, творческой удачей автора книги стала контаминация дипломатической деятельности Чичерина с его внутренними переживаниями, приобретенными в семье ценностями и представлениями. Находясь в 1904–1917 гг. в эмиграции, Чичерин завязал знакомства в радикальных общественных кругах Германии, Франции и Англии. Пользуясь авторитетом среди участников социалистического движения, он организовывал помощь, в том числе денежную, политэмигрантам из России, подвергался преследованиям, арестам, высыл-

ке и, наконец, оказался в британской тюрьме, что обеспечило ему триумфальное возвращение в Россию в конце 1917 г. Как установила Томас, Чичерин был вызволен из тюрьмы (в обмен на задержанного большевиками британского посла Бьюкенена) не без поддержки В.И. Ленина. Несмотря на некоторые разногласия, их сближали выступления против войны, пораженчество, желание бороться за мировую революцию, враждебное отношение к германской социал-демократии (с. 58, 64–65, 75, 80, 88, 96–97). К тому времени Чичерин уже примкнул к РСДРП(б). В мае 1917 г., когда в Советах преобладали меньшевики и победа большевиков была еще далеко не очевидной, он написал И.М. Майскому: «В эпоху революции надо быть горячим или холодным, нельзя быть теплым... Я все больше прихожу к убеждению, что меньшевики – это жирондисты русской революции и их ждет судьба жирондистов... Мне с ними не по пути. Война меня многому научила, и сейчас все мои симпатии на стороне русских якобинцев» (с. 69). Этим Чичерин определил свою дальнейшую судьбу. 29 января 1918 г. он был назначен заместителем наркома иностранных дел, а 3 марта, после подписания Брестского мира, стал исполняющим обязанности наркома (утвержден в должности в мае 1918 г.).

«Поставив крест на своем семейном прошлом», Чичерин «со страстью отдался новому миру», начал «жить по-пролетарски» – дешевые костюмы, скромная еда и т.д. (с. 57). Однако постепенно в нем нарастали внутренние противоречия, происходило своего рода раздвоение личности. С одной стороны, «щекотавшая самолюбие возраставшая популярность Чичерина после Генуи и Рапалло», с другой – его возмущенные письма с протестами против действий ОГПУ (с. 158–169). Томас не ставила перед собой задачу создать всеобъемлющую картину советской внешней политики. Но сделанные ею зарисовки красноречиво свидетельствуют о силе личности Чичерина и его роли в принятии важных для СССР решений (с. 137–147, 166, 202–223,

231). Еще при Ленине он начал критиковать бессмысленные выступления и «бряцания оружием» руководителей Коминтерна, из-за которых приходилось сочинять бесконечные дипломатические ноты с объяснениями причин «искаженного цитирования» партийных деятелей на страницах печати (с. 232). «Я не могу быть политиком правительства, эксплуатирующего угнетенные народы, это было бы крахом нашей мировой политики», – писал он Сталину в мае 1925 г. (с. 189). Переживания Чичерина отразились также в его переписке с В.И. Лениным, А.А. Иоффе, Л.М. Караханом, А.М. Коллонтай, В.Л. Коппом, Н.Н. Крестинским. В 1925 г. Сталин поручил Г.Е. Зиновьеву, возглавлявшему Коминтерн, «взять под контроль» заседания коллегии Наркомата иностранных дел, угрожающе заметив: «Я думаю, что пока можно этим ограничиться!» (с. 189). По мнению Томас, Сталин «мог бы стать идеальным потребителем зрелой чичеринской мудрости», если бы «нарком согласился на роль придворного шута» (с. 177), однако это было исключено в силу его воспитания.

21 июля 1930 г. Президиум ВЦИК удовлетворил письменную просьбу Чичерина об освобождении его от обязанностей наркома в связи с уходом на пенсию. Неизлечимая хроническая болезнь преследовала его всю жизнь, но не мешала успешно вести дела. Теперь же он буквально задыхался в душливой атмосфере «сталинизма». Ошибки Сталина в международной политике вызывали горечь и раздражение у опытного дипломата, а разочарование в идеалах социалистического общества обостряло мучительные приступы болезни. Не помогало и частое обращение к музыке. Похоронили его на Новодевичьем кладбище. Во время скромной гражданской панихиды 7 июля 1936 г. замнаркома Крестинский «по приказу» Сталина дал негативную оценку деятельности Чичерина (с. 263).

И.М. Пушкарёва,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / Сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. М.: Книжица; Русский путь, 2010. 480 с.

Яркая судьба и литературное наследие Василия Витальевича Шульгина, выдающегося политического деятеля, писателя, консервативного мыслителя России XX в. сегодня являются предметом исторических и

общественно-политических исследований¹. Несколько лет назад в печати появились первые публикации документальных материалов о его жизни, в том числе посвященных самому трагическому ее периоду – аресту, принуди-